

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. ПУТЕШЕСТВИЕ МУТО ПО РУСИ.....	4
БОГ В САРИ КАМЫШЕ (НИЖНИЙ НОВГОРОД).....	4
СУМЕРКИ МАГОВ (АРЗАМАС).....	41
ПУТЬ СОЗНАТЕЛЬНОГО СТРАДАНИЯ И ПУТЬ БЛАГОДАРНОСТИ (ПЕРМЬ).....	64
ДЖАЙНАРД И ЕГО УЧИТЕЛЬ (КАЗАНЬ).....	97
МЕЖДУ МУТО И ЧЕЛОВЕКОМ (САМАРА).....	140
ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРМЕТИЗМ (МОСКВА).....	157
ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ ВСПЛЕСК (МОСКВА).....	157
АПОФАТИКА БЕЛАЯ И СЕРАЯ (МОСКВА).....	178
САКРАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ (МОСКВА).....	202
МИР ДУХА И МИР МАНИФЕСТАЦИЙ (МОСКВА).....	221
ГЛАВА III. О ГЛОБАЛЬНЫХ МАГАХ.....	238
ГЛОБАЛЬНЫЙ И ТЕНЕВОЙ ЧЕЛОВЕК (КИШИНЕВ).....	238
О МЕТОДИКЕ ОТКАЗА ОТ ВСЯКИХ МЕТОДИК (КИЕВ).....	246
ДАО И СОЦИАЛЬНАЯ МАГИЯ (КИЕВ).....	264
ПОВОРОТ К ВЕРТИКАЛИ (ОДЕССА).....	271

ГЛАВА I

ПУТЕШЕСТВИЕ МУТО ПО РУСИ

БОГ В САРИ КАМЫШЕ

Нижний Новгород

Друзья! Для сегодняшней встречи я выбрал немного неожиданную и возвышенную тему – Бог в Сари Камыше. В книге *«Встречи с замечательными людьми»*, в ее первой главе, – кстати, самой умной и теплой – Гурджиев рассказывает об отце и о друге отца – своем первом наставнике священнике Борше. Отец Гурджиева был ашожом, знатоком эпоса и сказителем. Кроме того, он был практичным человеком, плотником и умельцем на все руки. Гурджиев описывает сцену, когда в гости к ним пришел священник Борш и, входя в комнату, обратился к отцу с вопросом: «Где сейчас Бог?» Отец Гурджиева, который в это время что-то строгал, не поднимая головы, спокойно ответил: «Бог сейчас в Сари Камыше». Все в этой местности знали – а дело происходило на Кавказе в городе Карсе, – что Сари Камыш – это сосновая роща в горах на границе России с Турцией. И тогда священник Борш спросил старшего Гурджиева: «А что Он сейчас делает?» – и тотчас же получил ответ: «Он строит лестницу-стремянку на второй этаж жизни, куда смогут подняться достойные люди, чтобы насладиться блаженством и покоем».

Когда я впервые «прочитал» это место, оно поразило меня своей подлинностью. Я увидел Бога в Сари Камыше – там, где прозрачный воздух и высокие сосны, – прилаживающего лесенку-стремянку. Там они недавно гуляли: Гурджиев-мальчик, его отец и друг отца священник Борш. И Бог гулял вместе с ними. Это ощущение Бога, гуляющего с некоторыми людьми в каких-

то вполне определенных местах, стало для меня вполне конкретным. Вот Он в виде трех ангелов спустился к Аврааму, и Авраам препирался с Ним по поводу двух городов, а жена его долго смеялась над нелепым пророчеством. Вот Он встретил в лесу брата Франциска и громко беседовал с ним, а юноша, ставший свидетелем этой сцены, упал в обморок, так что Франциску пришлось нести его на себе и приводить в чувство, а после просить, чтобы тот никому ничего не рассказывал. Вот Он приходит ко мне в виде моих наставников и друзей, и мы с ними пьем вино и радуемся красоте мира. Это случалось раньше, это происходит сейчас и всегда.

Бог там, где мы готовы Его впустить, увидеть, услышать. Он принимает и самые невероятные, и самые будничные формы. Я согласен с христианами, что Бог имеет три лица, и я готов согласиться с Раджнишем, что Бог – это вообще не личность, а необъяснимое волнение во мне, моя внутренняя музыка, мой внутренний свет. Бог – это нечто очень интимное и очень личное. Но Бог может придти и к тому, кто отрицает Его. Он может появиться в самых неожиданных местах, так что пропадает механическая обязанность ходить за Богом в мечеть, или в церковь, или в синагогу в установленные дни и часы, но Его можно встретить и в мечети, и в церкви, и в синагоге.

Моего последнего наставника я встретил совсем недавно – два дня тому назад. Это был человек, который подвез нас с Викторией на мой шестидесятилетний юбилей в клуб «Ямского поля», где меня ждали друзья. Мы вышли из дома с большим опозданием, я поднял руку, и остановилась машина. Водитель ее был послан мне к моему дню рождения как настоящий дед Мороз. Оказалось, что он азербайджанец, человек с десятилетним образованием. Пока он вез нас на встречу, он объяснил нам все и про себя, и про Бога, и про судьбы народов, и про суть мироздания.

Он начал с истории Кавказа: рассказал нам, кто такие чеченцы, адыгейцы, абхазцы, грузины и армяне, откуда они появились, какие у них языки и обычаи. С большой нежностью он, азербай-

джанец, говорил об армянах, об их трудолюбии и талантах. Потом он перешел к Персидской империи, к Дарию и Киру, маздаистам и исмаилитам. С воодушевлением говорил он о России, христианской стране, пригревавшей и мусульман, и буддистов, и шаманистов. «Ведь вот вокруг Германии народы не собирались, – говорил он, заглядывая мне в лицо сбоку и останавливаясь в нужный момент на светофоре, – а в России собралось столько разных народов, и все всегда жили в согласии».

Потом он заговорил о Боге и сказал мне, что Бог подобен электричеству. Лампы, утюги, телевизоры, – все они мертвы, бессмысленны, если их не подключить к электричеству. То же самое с человеком: он – кукла, если не подключен к той энергии и лишен того содержания, которые его одухотворяют. Однако в каждом из нас эта энергия проявляется по-своему. Напоследок он сообщил нам, что в третьем тысячелетии не будет таких ужасных катастроф, которые были во втором, – эпидемий, войн, революций, лагерей смерти, – это станет бессмысленным, потому что оружие, которым люди владеют, слишком опасно. Поэтому больше не должно быть такого кошмара, который был в XX веке. Напротив, в мир придет новая идея – это может быть и новая религия. Но главным проектом третьего тысячелетия станет новое человечество. Так сказал мне на прощание мой наставник и, взяв с меня за урок символическую плату, скрылся за поворотом.

То, что миру нужна новая идея, это мы чувствуем все. Как ни прекрасны все старые идеи – и египетские, и вавилонские, и ведические, и иудейские, и христианские – мы не смогли их удержать. При всем нашем к ним респекте они или ускользнули от нас, или вытолкнули нас. И вот почти весь последний век мир прожил без них. И при этом в нас продолжала жить тоска по пониманию, тяга к вертикали. Это очень важное обстоятельство, которое нельзя недооценивать. И поэтому вопрос о новой идее и о новом человечестве – это вовсе не праздный вопрос.

Друзья, вообще я должен признаться вам, что разговор о Боге, который живет в Сари Камыше, – это только повод и предлог для

того, чтобы встретиться с вами и чтобы наша встреча дала некоторые реальные плоды. Не просто и не случайно я предложил эту поездку по пяти городам – у нас впереди еще Арзамас, Пермь, Казань и Самара, встречи, беседы и практикумы. За всем этим была определенная цель, и я сразу хочу сказать вам, что я имел в виду. Но для того, чтобы все это объяснить, я должен немного рассказать о себе.

Моя жизнь имела три значимых этапа.

По мере того, как я буду говорить о себе, мне хотелось бы, чтобы каждый из вас накладывал матрицу моей жизни на матрицу своей жизни, чтобы происходили сопоставления и чтобы шла внутренняя работа.

Вообще то, как мы слушаем, – это очень важная наша характеристика. Некоторые слушают, внутренне перебивая то, что они слышат, возбужденным потоком мысли, слушают не собеседника, а свой собственный монолог. Кто-то слушает доверчиво, отдаваясь потоку чужого рассказа или рассуждения, теряя себя в нем. Третьи же постоянно спорят, воюют с рассказчиком и потому многое упускают.

Итак, я возвращаюсь к рассказу о себе. Первый значимый этап моей жизни начался в 1956 году, когда я юношей встретил своего первого наставника – мудреца, философа и музыканта Степана Ананьева. Он дал мне мой первый сверхсмысл. Первый, потому что и родители, и школа, и двор дали мне много смыслов, но эти смыслы были инертные, тяжелые, они шли туда, куда идут все смыслы, то есть в никуда. Такие смыслы делают нас функциональными людьми, человеко-функциями. Обществу нужны учителя, инженеры, сантехники, бизнесмены, уборщики. И оно делает из нас такие функциональные машины, то есть утверждает нас в инертных и горизонтальных смыслах.

Итак, свой первый сверхсмысл я обрел, когда мне было 16 лет. Помню, я стоял с приятелем в Тбилисской публичной библиотеке перед картой Европы, и мой будущий наставник подошел и заговорил со мной. С этого разговора начался период моей жизни, ко-

торый длился почти 20 лет. Десять из них я дружил с моим вторым наставником, который в настоящее время живет в Голландии. Это был период роста и раскрытия, и тогда я впервые столкнулся с тем, что я назвал бы русским богом. Я не знаю, как это определить. Помните строчки: «Кто нам помог? Барклай, зима иль русский бог?» Это из 10-й главы «Евгения Онегина». Когда я говорю «русский бог», «российский бог» – я имею в виду то небо, которое существует в России, те высшие сферы внутренней жизни, к которым оказались причастны мы – дети двадцатого века. А под Россией я имею в виду ту Россию, которая дала нам Державина, Баратынского, Брянчанинова, Гоголя, Тютчева, Чаадаева, Толстого, Константина Леонтьева и наших современников: родителей, друзей и наставников. События, происходившие в пространстве двух моих наставников, были очень важными для моего становления. Разумеется, наставники – это только повод для собственной инициативы. Ибо никакой наставник не отнимает у человека его собственной судьбы, он лишь помогает внести в нее ясность. Он – проводник сверхсмысла.

Следующий период моей жизни прошел в эмиграции и продолжался тоже 20 лет – с 1974 по 1994 год. Я называю его «артуровским периодом». Это был период, когда тот разбег, который возник в России, был вынесен на Запад и на Восток. Я очень много открыл за эти годы и в себе, и в Америке, и в Европе, и на Востоке, где мне посчастливилось бывать. Это был период завершения моей кристаллизации, которая шла по двум линиям. С одной стороны, завершилось становление меня и как личности, и как сущности. А с другой, – возникло явление, которое известно некоторым из вас как «Артур».

Получилось так, что, живя в России до 74 года, я жил в особом пространстве – в андерграунде. В этом советском андерграунде было собрано и создано очень много богатств, и для меня и моих друзей оно вовсе не было идеологическим и политическим. Там, в андерграунде, десятилетиями героических усилий была создана живая пирамида сверхсмысла. И вот я, оказавшись на Западе,

инициировал там пространство под названием «Артур». «Артур» – это мои друзья вместе со мной, это моя семья, мой круг и мой дом. И это место моих забот и моей работы по созданию того осознанного будущего, о котором говорил нам с Викторией наш дед Мороз два дня тому назад. По словам Ортеги-и-Гассета, «это – я и мои обстоятельства».

Но сначала все это надо создать внутри себя и только потом – объективировать. «Артур» стал для меня продолжением того, что было в России. Мы не строили никаких внешних форм, не боролись за права человека. Мы как будто бы замкнулись на конкретных задачах и открылись широчайшей перспективе. И вот уже около двух десятков лет мы, люди из разных уголков земли, занимаемся важной и интересной работой, выполняя программу нашего деда Мороза. Подробнее об этом рассказано в моей книге *«Веселые сумасшедшие»*¹.

И, наконец, самый последний период моей жизни начался осенью 1994 года и длится вот уже шесть лет. Этот период связан с моими выступлениями и практикумами в России, Молдавии, на Украине и в Литве. На мои семинары и выступления собиралось по 10, 100, 200 и более человек. Мы жили в городах, лесах и долинах и делали невидимую работу. Но, к сожалению, 90 процентов работы на этих практикумах уходило впустую. Зерна падали на каменистую почву и гибли, и если один процент посевов всходил, это было чудом. Приходили и приезжали любопытные, безразличные, обожженные и опустошенные смысловыми и энергетическими растратами люди, для того чтобы получить немного энергии и ясности и, вернувшись домой, ухнуть все это в пустоту, в бизнес, в невроты и прихоти. Очень немногие понимают реальную цену ясности, большинство людей живет как в тумане. Ясность – это та жемчужина, о которой говорил Иисус: ради нее нужно все отдать. Некоторые знают, что это такое, бессознательно тянутся к ней и изредка находят ее в редком месте

¹ Аркадий Ровнер, «Веселые сумасшедшие», изд-во GeraDiena, Каунас, 1997 г.

или в редкой книге. Именно за этой жемчужиной съезжались на мои выступления и практикумы люди. Другие приходили погреться у огонька. Ведь вокруг смысловая ночь, механический социум, беличье колесо сансары.

И вот этот период закончился – период взрыхления целины, пробивания через породу. В результате появилось несколько живых ростков. Все-таки появилось. И смысл моей поездки сейчас – культивация этих ростков и поиск новых друзей. Может быть, одного, может быть, двух или трех. Дело не в количестве. Я не создаю никакого движения. Теперь это называют НРД – новое религиозное движение. Я не основатель никакого НРД. Я не ищу последователей. Я «ищу человека». Одного, двух, трех – достаточно. Человека с непогубленной вертикальной доминантой.

Большинство людей погубили в себе стабильность духовных устремлений. Этому способствовал социум посредством особых механизмов – через семью, образование, телевизор, стандарты. Все построено так, чтобы мы погубили в себе вертикаль и стали функциональными агрегатами – такими, как все, рядовыми героями детективных сериалов, мыльных опер и боевиков.

Такова внешняя канва моей жизни. Однако есть в ней и внутреннее деление на три этапа. С тех пор, как я встретил своего первого наставника, я последовательно и постепенно раскрыл для себя (и для своих друзей) логику трех путей: пути человека (или традиционного человека, к которому обращены слова Иисуса, Будды и Мухаммеда), пути недочеловека (или гурджиевского идиота) и пути псевдочеловека (или человека, лишённого мута). Но об этом мы будем говорить позже.

Главный смысл моей нынешней поездки по пяти городам – культивация внимания к этой проблематике. Люди, нуждающиеся в такой культивации, есть в каждом из городов, куда мы едем. И не идеологию, не философию я разделяю с ними. Нас объединяет серьезное отношение к себе и к окружающему миру. Все начинается с неудовлетворенности собой сегодняшним, с доверия к возможности изменения важных параметров в самом себе и заканчивается тем, что мы начинаем плыть против течения, минуя

тот путь, по которому движутся массы. Массы идут по кругу. История – это движение омраченных масс по вечным кругам.

А куда идем мы? Мы идем в неизвестность. Ну кто же, ну какой дурак пойдет в неизвестность? Ведь есть мусульманство, есть христианство, наконец, есть Кастанеда, есть Раджниш. Есть дзогчен, дзогчену около 2000 лет, буддизму две с половиной тысячи лет. Религия еще древнее – это понятно, надежно. А тут неизвестность, тут все хрупко, тут все лепится на живую нитку. И лепится не религия, а человек. Потому что человек важнее религии. Религия в лучшем случае – это обоз, караван, который движется по горизонтали, не теряя из виду вертикали. Религия ведет к Богу тех, кто так или иначе устремлен к Богу. У большинства россиян последние 80 лет, к сожалению, вообще не было никакой религии. И вернуться к тому, что было утрачено, раскопать зарытый колодец, пробиться через сложные ритуалы и тусклые изображения, которые часто воспринимаются утратившими с ними связь людьми как невнятные, монотонные, даже если при этом человек понимает, что там, в глубине колодца, сокровище, – это все не просто. Это трудный путь. Сокровища религии могут так навсегда и остаться закрытыми для сегодняшнего нетерпеливого человека, одержимого социальной лихорадкой. И мы видим сегодня, какими опасными они становятся в умелых руках манипуляторов, как легко они превращаются в орудие слепого фанатизма.

Я же говорю о другом – о том, что здесь и сейчас. Я говорю вам не о Боге, который две тысячи лет назад был распят на горе Голгофе и который задолго до этого говорил с Авраамом и Моисеем, а о нас с вами – носителях божественной потенции. И слова эти основываются на благоговейном отношении к человеческому духу и на доверии к вам и к себе.

В отличие от Аль Халладжа и Мамлиева, которые заявляют, что они – боги (Мамлиев даже сказал: «Я выше бога!»), я – не бог. Но я определенно прибыл сюда с другой планеты. И оттуда я привез несколько экзотических ягод. Эти ягоды являются моим сокровищем. И я хочу поделиться ими с моими друзьями в той мере,

в которой они им нужны и в какой они способны взять их у меня. То, что показывают по телевизору, что пишут в газетах, что преподают в школах и университетах, – это все полезный материал для горизонтали. И часто – вредный материал для вертикальной устремленности. Ягоды же, привезенные мною, содержат, в терминологии Гурджиева, витамин С или витамин вертикали.

Это длинное предисловие было абсолютно необходимо для того, чтобы напомнить вам, что в мою задачу не входит читать академические лекции по богословию. В течение многих лет я успешно читал их в университетах. Скорее я склонен привлечь ваше внимание к скандальной ситуации современного человека, который когда-то был уникальным носителем божественного смысла и который сегодня этот смысл дважды утратил. Речь идет о двух утратах, первую из которых обнаружили в свое время Ницше, Гурджиев и Рамана Махарши, а вторая происходит на наших глазах, что ставит нас в совершенно новую ситуацию и предлагает нам новые задачи.

Мы с вами знаем, что в человеческой истории слово Бог звучит постоянно. И в Японии, и в Индии, и в Египте, и на Западе все только и говорят: «Бог, Бог, Бог». Каждый видит его похожим на себя. Кто это говорил, кажется, Протагор: «Если бы быки верили в бога, они видели бы его в виде быка». Мы видим Бога подобным себе. И каждый народ видит Его идеальным собою. Наверное, вы видели иконы Богоматери и Иисуса, на которых они изображены египтянами, греками, китайцами, англичанами и мексиканцами. Голландские живописцы изображают их голландцами, а византийские – византийцами.

И не думайте, что мы с вами отличаемся в этом от всех остальных. Мы тоже видим высшую реальность каждый по-своему: москвичи – по-московски, нижегородцы – по-нижегородски. И это нормально. Ничего в этом плохого нет. Плохо, когда мы ее не видим. Или когда в качестве самой высокой ценности провозглашаем доступную нам реальность или вид этой реальности. Теперь вот пошло прагматическое поветрие. Выражения

«прагматичная политика», «прагматический подход» звучат в прессе как нечто позитивное. Но ничего в этом хорошего нет. Прагматизм – это вещь примитивная и слепая и потому – тупиковая. Прагматизм – это идеология хитрых людей, но, как написано в Коране, «Аллах – хитрейший из хитрецов», и жалки наши попытки его перехитрить.

Я предлагаю задуматься о нашей причастности к высшей реальности. Давайте на короткое время отключимся от нашей прагматической реальности и совершим небольшой экскурс в области, далекие от прагматизма, но весьма близкие каждому из нас – рассмотрим вопрос о причастности нашего маленького «я» к большому «Я», или к Богу.

В высших формах западных и восточных религий Бог скрывается от нас за своей апофатичностью. Это Бог, который находится по ту сторону богословия и вообще всякого «словия» и о котором нельзя вообще ничего сказать. И здесь возникает интересная ситуация с несколькими богами. Если согласиться, что у каждого свой бог, то в этом зале сидит несколько сотен богов. Один бог предстает в виде слона, другой – в виде коня, третий – в виде птицы, четвертый – в виде человека на облаке, пятый – в виде человека на осле. С другой стороны, мы прекрасно понимаем, что Бог выше всякого человеческого воображения, он выше наших мыслей, наших слов, он не может быть схвачен даже нумерацией. На самом деле, мы не можем сказать, что Бог один, или их 33, или 33 000, потому что нумерация – это часть нашей математики, это наш счет. И тогда мы умолкаем. Тот, кто молчит, может быть ближе к Богу, каким Он является сам по себе, независимо от наших мыслей и нашего воображения.

Для каждого из нас существует выбор: либо представлять себе Бога в виде птицы, рыбы, компьютера или космической энергии, либо признаться, что Бог непредставим. И тогда самый короткий путь к Богу идет через полное выключение нашей мыслительной активности. И вот в последние годы, встречаясь с людьми в разных городах, в лесах и на озерах – здесь, в Нижнем и под Ниж-

ним, в Литве, Кишиневе и Самаре, – я предлагал освободиться от слов, освободиться от образов, освободиться даже от ритмов и войти в некоторое пространство, где ничего нет. Я говорил: когда вы закроете глаза, когда вы перестанете заполнять пустоту, появится надежда увидеть и услышать то, что есть на самом деле, а не то, что вы воображаете. Это очень трудное упражнение. По словам одного современного, но малоизвестного поэта: «Где нету ничего, там есть Иное, святое Ничего там неубывно есть»².

Дело в том, что нам очень трудно не мыслить, нам очень трудно не воображать. Ассоциативный поток возникает у нас при медитации через 10 секунд, и выскакивает мысль: вот я сижу, как дурак, и у меня нет ни одной мысли. Что же я сижу? Потом мысль перекидывается на соседа, который сидит рядом со мной, как дурак, на Аркадия Ровнера, который тоже сидит без единой мысли. И главное, ничего не происходит. Действительно, ничего не происходит, человек оказывается в пустоте, и он может удержаться в этой пустоте не более десяти секунд. Потом исподволь вползают какие-то картинки, наблюдения, песенки и прочие радости.

Здесь две проблемы. Одна проблема – работает ли этот метод? Ну 10 секунд он работает, ну 20 секунд. А дальше что? А дальше может быть ничего. Так можно всю жизнь просидеть, закрыв глаза, – без мыслей, без образов в полной темноте – и ничего не произойдет, и «святое Ничего» не возникнет, в то время как для поэта оно очевидно. И так будет в большинстве случаев. Действительно, ничего не произойдет. Действительно, Бог не появится из темноты в своем собственном величии. Этот метод, как и любой другой, не является гарантией теофании. Теофания – это вторжение в нашу жизнь божественного начала. Но может ничего не произойти. И, наоборот, в то время, когда включены все наши механические ассоциации, когда мы думаем невесть о чем – о непоплатенном счете за электричество, о вредном сослуживце или об изменившем муже, – может произойти чудо богоявления. Это может произойти посреди суеты жизни.

² Леонид Аронзон, «Смерть бабочки», изд-во Гнозис, М., 1999 г.

В чем же дело?

Я говорю попеременно о двух вещах: о богословии и психологии; об абсолютно чистой апофатической идее Бога, связанной с высочайшим бесстрашием, – по ту сторону слов, понятий, образов, даже нумерации. И я говорю об абсолютно чистом сознании человека, в котором потенциально присутствует высший принцип. Я говорю о сверхкосмическом электричестве, которое может наполнить нас смыслом и силой. Я говорю также о том, что эта идея вовсе не является массовой. Это – не идея для сотен тысяч людей. Это – реальный опыт очень немногих. Я говорю об особом таланте углубленной жизни, об особой вертикальной устремленности немногих. Этот талант часто не связан с образованностью человека и с его внешней культурой, но очень связан с его внутренней культурой.

Внутренняя культура человека – это не умение держать вилку, сидеть прямо и быть вежливым с прохожими. Это – не культура мысли, это – не культура образов, это – культура состояний. И все мировые цивилизации – это цивилизации, культивировавшие внутреннюю жизнь, или внимание к состояниям. И только постольку, поскольку они причастны к высшим состояниям, они становятся цивилизациями. Наше расхристанное время грозит превратить нашу цивилизацию в дикую орду, если мы дадим захлестнуть себя потоком массовой культуры и идеологических перевертышей и забудем об опыте культивации высоких состояний и о нашей ответственности за высшую культуру.

Что такое состояние? На этот вопрос нельзя ответить, как нельзя ответить на вопросы: «Кто ты?» и «Что есть Бог?» или как невозможно ответить положительно на известный вопрос: «Ты спишь?» Состояние – это то, что мы в себе несем. Мы несем в себе разные состояния:

1. стандартные, или нулевые – связанные с нашим обычным самоощущением;
2. состояния, которые ниже нуля: состояния страсти, омраченности, стяжания, жадности, похоти, гнева и тому подобные;

3. состояния, которые выше нуля, но это очень редкие, необычные состояния. Мы их долго помним.

Я встречал людей, которые рассказывали мне, что, когда им было 15, 18 или 38 лет, они пережили нечто чудесное. И они помнят это состояние, стремятся к нему и ищут его. Но оно ускользает. Очень трудно это повторить. Это было в таком-то месте, в такое-то время. Человек едет в это место и пробует восстановить состояние, пережитое им там. Но оно напоминает о себе только далеким отголоском, эхом, намеком. А потом совсем исчезает.

Здесь очень важен напоминающий фактор и особенно то, что напоминает нам не внешние, а внутренние условия этого состояния. Религиозные ритуалы чаще всего стремятся к воссозданию внешних условий случившейся когда-то теофании. Очень важно создать внутренние условия для восстановления потерянного рая. Высокое состояние – это рай. Адам и Ева жили в раю. И они оттуда выпали. Рай – это не сад, это не гора и это не что-то там на облаках. Рай – это высокое состояние, которое люди утратили и которое некоторые из них время от времени обретают.

Это то, что Иисус назвал истиной, сказав: «Вы узнаете истину, и истина сделает вас свободными». Состояние – это истина. Истина – это не $E = mc^2$, это не $2 \times 2 = 4$. Истина – это состояние. Истина – это не молитва, а молитвенное состояние. Молитвенное состояние выше молитвы.

Это важнейшая сторона нашей с вами жизни. От нашего состояния зависит окружающий мир. То он ужасен, и тогда все плохо, друзья – предатели, и все падает из рук. Но это не мир плох, это мы находимся в плохом состоянии. То он прекрасен, полон надежд, радости, вокруг живой воздух, и даже привычный малый круг нашего несовершенного жилья с какими-то тряпками, кастрюлями, вениками преображается. Состояния обладают качеством текучести. Они изливаются из нас, и они вливаются в нас. Мы дарим их окружающим, хотим мы того или нет, через молчание, улыбку, жест, слово. Есть хитрый способ несения в себе высокого состояния – это ходить с мрачным лицом,

когда на самом деле ты светишься, и те, у кого есть глаза, видят, что от тебя идет свет и что ты только слегка замаскировался, придержал излучение.

Это сложная наука – наука состояний, наука культивации состояний. Нельзя это делать механически. Мы лучше всех других знаем свою внутреннюю химию и алхимию. Мы знаем, что есть люди, к которым нас тянет, и есть люди, от которых мы бежим. Это связано с состоянием этих людей. Есть люди – черные дыры, в которых сколько ни вкладывай душу, любовь, энергию, ум, деньги, – они все гасят своим присутствием. Есть люди, которые берут у вас крупицу света и делают из нее огромный костер, возвращая вам сторицей.

Слово «состояние» известно нам в двух основных смыслах: это богатство внешнее и богатство внутреннее. Это связано с внешней и внутренней алхимией. Сделайте себе состояние в двух смыслах слова: станьте богатыми внешне и внутренне. Внутреннее состояние радости и света приведет к вам друзей, притянет высокие идеи, прекрасные встречи, деньги и здоровье. А состояние озабоченности, зависимости, страха, похоти, жадности оттолкнет все это от вас.

В мире уже все есть, полный набор состояний – от Бога до антибога. И где мы находимся на этой лестнице – это и есть ответ на вопрос «Кто я?». Если вас спросят: «Кто ты?», не говорите: «Я студент, я учитель, я химик», а подумайте, где вы в этот момент находитесь на лестнице состояний. Спрашивайте себя: «Кто я?» как можно чаще. Этому учил нежнейший мистик XX века Рамана Махарши. Он говорил: «Не нужно никаких мистических методик. Просто спрашивайте себя постоянно: Who am I? Кто я? Кто я, который сейчас говорит с вами? Кто я, который слушает? Кто я, пьющий сейчас чай? Кто я, испытывающий страсть или беспокойство?»

«Кто я?» – Если вы будете задавать себе этот вопрос, вы увидите, что вопрос: «Кто я?» – практически сводится к вопросу: «Каков я?» или «В каком я сейчас месте, а следовательно – со-

стоянии?» И вопрос о Боге – это не вопрос: «Есть Бог или нет Бога?» Это не вопрос: «Кто есть Бог?» или «Что есть Бог?» Это вопрос: «Каков Бог?» или «Каково состояние Бога?» Вопрос о Боге – это вопрос о состоянии Бога.

Вообще о Боге говорить очень трудно и очень рискованно. Нас все время сносит на колею инертных понятий и представлений. Мы видим, как постепенно в истории цивилизаций репрезентативность физическая сменяется репрезентативностью психической, как усложняется и рафинируется наполнение этого символа. И все равно, в конечном счете, мы отталкиваем все предложенные облики и определяем «место Бога» в области интимнейшей и сверхличностной, с одной стороны, и сверхкосмической и апофатической – с другой.

Я вижу это так: есть иерархия состояний, и в этой иерархии несколько средних ступеней занимают наши понятия и представления – вербальный или образный планы. Только в этих пределах существуют доказательства бытия Бога, богословская мысль, богословские трактаты, а также религиозная мифология. Бог, конечно, присутствует и в доказательствах, и в мифах. Но в наш век изолгавшегося разума и всяческого прагматизма представляется более надежным искать Бога не в сфере понятий, а там, где кончаются рассуждения и мифы, где Бог оказывается моим интимнейшим переживанием, моим другом или подругой, моим спутником в Сари Камыше или в Нижнем Новгороде. Я утверждаю, что сегодня этот Бог состояний нам с вами понятнее и ближе, чем Бог бл. Августина, Спинозы и Гегеля. Те, кто может ощущать его здесь, рядом и внутри, могут ощутить его также в области, очерченной Гегелем и Спинозой. Потому что Его нельзя воспринимать здесь и не воспринимать там. Потому что таковы сопряженные грани нашего опыта, таковы наши возможности. Теофания в Сари Камыше и на нашей теперешней встрече в Нижнем Новгороде – это наш с вами новый религиозный опыт, рожденный из остро прочувствованной и пережитой нами психологической и космологической апофатики, из нашего ин-

тимного и общекультурного опыта купания в Ничто. Это опыт двадцатого века, его грозных обвалов и затоплений. Те, кто с сочувствием следит за моей работой последних лет, знает: сейчас наступило время выхода из затянувшегося этапа богословского объективизма.

Возвращаясь к вопросу о моей работе, которая сейчас входит в совершенно новую стадию, надо сказать, что эта работа по-прежнему связана с культивацией состояний, но она уже в значительно меньшей мере массовая. Теперь эта работа связана с очень немногими людьми. Я по-прежнему не строю никаких организационных планов, не создаю никаких обществ, но я открыт для людей, которые слышат внутреннюю ценность этой работы для себя.

Главный смысл нашей сегодняшней встречи – это наше взаимное раскрытие: ваше и мое. Там, где это произойдет, случится радость узнавания. Меньше всего на свете я нуждаюсь в последователях. За мной не надо следовать, каждому человеку надо следовать по своему собственному пути и со своей скоростью, не опережая самого себя, но и не отставая. У меня нет пути для всех. У меня нет общей методологии, по которой должны идти десятки или сотни людей. У меня нет универсального учения, философской системы. Каждый человек, безусловно, уникален. Человек – это его собственный путь, захламленный из-за его небрежения и безответственности или расчищенный им в той или иной мере.

И здесь необходимо коснуться вопроса о наставничестве. Наставничество – что это такое? Я хочу, чтобы вы подумали об этом сами. Это то, что происходит постоянно. Это то, что произошло со мной два дня тому назад, когда я остановил на московской улице случайную машину – случайную ли? – и поехал на свой юбилей, и посланный мне в подарок мудрый наставник напомнил о важных вещах, в том числе и о двух наставниках моей юности, давших мне в свое время столько любви и заботы.

Наставничество – это то, без чего нет традиции. Его функция – создание контекста, из которого чуткие люди могут черпать силы, знание и понимание. Нельзя следовать чужой логике, у каж-